

Сергей Герасимов

Эпоха игры

Сергей Владимирович Герасимов

Эпоха игры

Авторский вариант

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156427

Содержание

1	4
2	9
3	12
4	15
5	19
6	24
7	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Сергей Герасимов

Эпоха игры

1

Наверное, немного тишины все-таки нужно. Тишина нужна мне как вода, как соль, как солнечный свет. Тишина и несколько минут одиночества. Я люблю стоять у большого окна своей пустой, еще наполовину спящей в шесть утра мансарды и смотреть сквозь расцветающие с каждой минутой утра краски влажного леса. Смотреть, и видеть все, и ничего не видеть, откликаться сердцем на все, – но спокойно, безразлично, возвышенно.

Я специально встаю ради этих нескольких минут. Они действуют на меня, как переливание крови на тяжелобольного: из комка слизи я становлюсь клубком воли и уверенности. Удивительно, что для этого достаточно всего нескольких минут тишины. Глядя вниз, на зеленые всплески и провалы пышных тропических крон, я чувствую в себе зверя стомиллионнолетней давности, зверя величиной с кошку, жившего на деревьях, просыпавшегося с первыми лучами туманного рассвета, обзревавшего из своей невидимой высоты ветвей свой страшный и прекрасный первозданный мир. Рано утром просыпались лишь его большие и внимательные тем-

ные глаза с вытянутыми в ниточку зрачками; тело все еще спало, спокойное и уверенно расслабленное, потому что глаза – два верных блестящих стража – уже делали свое дело, следили за любой сдвинувшейся тенью там, далеко-далеко внизу. Сердце работало медленно и ровно; оно еще спало, забыв о вечных муках, простых муках голода, бегства, продолжения рода, не зная о других муках, которые вспорют его тысячи поколений спустя – те муки будут более тонки и более жестоки.

Тот древний зверь величиной с кошку до сих пор живет во мне (Боже мой, действительно никто никогда не умирает); сейчас его тело проснется, играющие волны мускулов пробегут под гладкой короткой шерстью, сердце застучит в другом ритме. Он готов к жизни и готов к смерти – не все ли равно, если никто не умирает?

Пять минут прошли. Все в порядке. Я спускаюсь; Александр убирает в комнатах нижнего этажа. Он встает еще раньше и успевает сделать в саду перед домом сложную гимнастику из довольно примитивных и бессмысленных, на мой взгляд, упражнений. Иногда я наблюдаю за этими упражнениями из своего окна. У каждого человека, если узнать его поближе, оказывается уйма странностей. Александр повторяет свою пародию на одну из восточных гимнастик каждое утро, много десятилетий подряд. Зачем?

В наше время мы имеем намного больше ненужных увлечений, чем раньше; мы тянемся к бесполезному. Это реак-

ция, самозащита души от безумного всевластия материи денег, вещей, стремления к деньгам, вещам и к власти.

Но наша эпоха – эпоха материи; эпоха души уже прошла, почти прошла, эпоха духа еще не наступила. Поэтому так глупо выглядят наши увлечения.

Александр стар, ему далеко за шестьдесят; он жалок, когда кривит свое длинное иссохшее тело – хранилище иссохшей души, забывшей о собственном существовании. Его седая, торчащая во все стороны борода, вызывает во мне даже некоторое презрение, впрочем, добродушное. Из-за этой бородки Александра все зовут капитаном и, кажется, только я обращаюсь к нему по имени.

– Александр, вы ведь один из немногих людей, которые прожили на Островах всю жизнь.

Александр улыбается. Острова Воскресения – его единственная настоящая любовь. Он ни разу не покидал Острова и был свидетелем всего, что происходило здесь за последние полвека. Я сознательно затронул предмет его гордости – это та струна, на которой можно сыграть любую мелодию. Итак, я начинаю играть.

– Александр, только вы можете мне помочь, потому что вы знаете здесь все. Скажите, почему шестой остров не обозначен ни на одной карте?

Это, конечно, блеф. Раз остров не обозначен на карте, я не могу знать, есть ли он в действительности. Я так уверенно говорю об этом острове, будто видел его своими глазами –

мой уверенный тон помешает Александру соврать. А врать, конечно, он будет, ведь никто не станет скрывать остров, издавая неточные карты, если на то нет причин.

– Не понимаю, на какой карте?

Александр прекрасно понял, о чем я говорю, это видно по его лицу.

Если бы остров был безобидной легендой, Александр бы не притворялся передо мной – мы с ним в хороших отношениях и хорошо понимаем друг друга.

Я киваю в сторону окна.

– Вон тот остров. Три часа пути на катере. Остров большой, побольше нашего. И не обозначен на картах. Это же неспроста, я прав?

– Вы разве там были?

Александр делает ошибку, он не успевает сообразить, что с северной стороны Острова катера и яхты обычно не появляются – никто и никогда не ходит в этом направлении, а на веслах далеко не уйдешь.

– Слушайте, Александр, вы же правдивый человек, я знаю вашу честность, мы же свои люди. Зачем вы меня обманываете?

Это я сказал зря. Сегодня из него уже ничего не выжмешь, старик может обидеться, вот и все. Но главное я знаю: шестой остров существует и с ним связан какая-то тайна. Эту тайну я разгадаю как-нибудь сам.

Александр молчит.

– Так вы говорите, что острова там нет?

– Нет.

– Ну раз нет, значит я ошибся. Простите меня, Александр, надеюсь, вы не обижаетесь?

2

Острова Воскресения – маленький архипелаг, скрывающий себя среди плоской равнины океана. Скрывающий без особого успеха: первые европейцы переселились сюда несколько столетий назад. Они растворили в себе мелкие и немногочисленные местные племена; древняя культура бесследно растворилась вместе с ее хранителями, не оставив ничего, даже жалкого наскального рисунка. Зато современных нескальных рисунков здесь хватает и все, что я видел – неприличного содержания. Эпоха материи приносит свои плоды: древние табу исчезли, исчезла любовь к Богу, затем любовь к ближнему, затем мы просто забыли, что такое любовь. И назвали этим словом то, что никогда не имело названия. Почему-то приятно ломать, уродовать, калечить этот мир, наполнять его грязными словами, надписями, рисунками, и по возможности делать это анонимно. Может быть для того, чтобы казаться чище на фоне всеобщей грязи. А может быть, это месть миру, который долгие годы ломал, уродовал и калечил тебя, и наконец добился своего, наполнив тебя грязью до краев?

Острова – настоящий рай для скалолазов – эти люди ползают по отвесным вулканическим террасам, как муравьи по древесному стволу. Время от времени кто-то из них срывается вниз и попадает в другой рай, тоже настоящий. На ме-

сте этих людей я бы нашел для лазания другое место – слишком уж страшно выглядят каменные пляжи под обрывом. Они выложены черной галькой, каждый камешек величиной с небольшого бегемота; по форме камни напоминают огромные яйца, они торчат вплотную друг к другу острыми концами вверх.

Представляю, как это выглядит с высоты.

Рядом с островом, на котором я живу, есть еще четыре: один большой и три маленьких. Четыре, если не считать Челюсти и маленького безымянного клочка суши неподалеку от порта. Этот островок – скала, отколовшаяся и отделившаяся от суши. Он зарос соснами, не растущими больше нигде поблизости; может быть, первые семена привезли с собою любители прыжков в воду, которые уже давно оккупировали безымянный остров: среди скал можно найти трамплины для прыжков любой мыслимой высоты. Прыжки безопасны – скала с отрицательным наклоном уходит в глубину на несколько километров, как утверждают знатоки.

Челюсть – это ряд мелких островков, которые видны из окон моего дома.

В прилив остаются только клыки; в отлив из воды появляются все зубы и группа скал действительно напоминает нижнюю челюсть. Из моего окна скалы кажутся маленькими, но это иллюзия, действительные размеры островков воспринимаются лишь тогда, когда рядом с ними проходит яхта.

Я живу на Острове три недели. В любой сезон здесь од-

на и та же погода, которая меня вполне устраивает. Солнце встает всегда в шесть и поднимается вертикально, невидимое в тумане; в восемь утра туман над морем рассеивается и до двенадцати прекрасное голубое небо нависает над тобою, как громадная оптическая линза; после двенадцати начинают собираться облака; около трех часов начинается недолгий дождь, обычно с грозой; к вечеру снова проясняется небо. За время, пока я здесь, дождь лишь однажды лил полтора часа, и однажды было сухо три дня подряд. В эти сухие дни я бродил по лесу – листья деревьев были покрыты крупными каплями: феномен, который я никак не мог объяснить.

3

Судьбы – они как люди, они просты и понятны только при беглом знакомстве. Я верю в вою судьбу, скорее всего, это единственное во что стоит верить в этой жизни. Моя судьба столько раз показывала свою власть и силу, что не верить в судьбу я просто не могу; обычно я подчиняюсь ей, лишь только она укажет мне свою волю.

На Острова меня привела судьба. После моей первой большой и серьезной выставки в Мюнхене я стал известен (и богат, что тоже неплохо). В эпоху материи деньги абсолютная ценность, все остальное относительно.

Разбогатев, я стал получать много писем от совершенно незнакомых мне людей; писем порой занятного содержания, но в основном – скучных приглашений и предложений. Одно из писем привлекло мое внимание: письмо было напечатано на плотной бумаге с гербами, назначение и смысл которых были непонятны. Но больше всего меня заинтересовало то, что в письме напрочь отсутствовали знаки препинания. Письмом меня приглашали посетить Остров Воскресения; к письму прилагались карта, на которой были изображены шесть островов. (Шестой остров, самый большой, лежал в отдалении на северо-востоке, он был вытянут и изогнут, как бумеранг.) Кроме карты и приглашения отдохнуть, в письмо был вложен авиабилет и описание достопримечательно-

стей архипелага. Я начал читать, среди перечисляемых красот упоминались «замечательные туманы по утрам». И тогда я услышал зов судьбы.

Я помню то утро, когда во мне родился художник. Тогда мне еще не было семи; после долгой трясучей ночи в вагоне остановка показалась мне спасением; я поднялся с полки, осторожно, чтобы не разбудить отца, прошел к дверям и выглянул. До той минуты я еще никогда не видел моря, не видел я его и сейчас – оно было скрыто туманом – оно лишь угадывалось за странными колыханиями непрозрачного воздуха, ползущего по спинам изогнутых трав. Я сделал несколько шагов и травы расступились, я ощутил под ногами тяжело сминающуюся влажную рябь песка; я услышал: шшш... – долгий выдох волны.

Вагоны дернулись и поплыли мимо почти беззвучно, туман гасил каждый звук и, в то же время, делал каждый звук отчетливым, как мазок на чистом холсте. Колеса прокатывались, придавливая глухо скрипящий рельсовый стык; рельс прогибался, опускался, поднимался снова.

Когда поезд ушел, я сел там, где жадные пенные струйки, змеясь почти дотягивались до моих ног. Я сел, чтобы смотреть на море. Меня не волновало то, что ушел поезд, наверное, уже тогда я воспринимал жизнь как игру, ценил в жизни лишь радость и красоту игры и совсем не боялся проиграть...

Я видел лишь туман, он был совершенно бел, не так: его

белизна была совершенно – ничего, кроме белого цвета. И, тем не менее, он имел формы, контуры, объемы, которые перетекали, сменяя друг друга, бесконечно просты и разнообразны. Тогда я понял, что когда-нибудь я нарисую этот туман; я не знал, как это сделать, но знал, что это сделаю.

Позже, когда я стал художником, я никогда не забывал о том впечатлении. Оно жило и живет во мне; живет, как дерево в яблочной косточке, как слова еще не произнесенного признания в любви. Наверное, такие минуты и составляют смысл нашей привычно пустой жизни; я никогда не понимал печали Экклесиаста: «Нет ничего нового под Солнцем» – есть кое-что.

Следующие тридцать лет туман был моей тайной. Я всегда хотел написать что-либо, хотя бы немного соответствующее тому детскому впечатлению, но до сих пор не нашел нужной природы. Поэтому я не раздумывая согласился с предложением посетить Острова.

Спускаясь к берегу, я перехожу вброд ручей. Вброд – это преувеличение, потому что вода едва доходит до щиколоток. Дно ручья вымощено гладкими камешками одинаковых размеров, оно совершенно плоское; я никак не могу отделаться от впечатления, что иду по мостовой. Ручей широк – метров пять или шесть; вечерами, после грозы, его невозможно ни перейти, ни переплыть.

Со мной несколько листов. Каждое утро, до того, как туман станет прозрачен, я успеваю сделать несколько набросков. Потом я заканчиваю по памяти этюд небольшого формата. Я работаю алла прима – я знаю, что продолжить начатое мне уже не захочется. Это не лень, просто все, что я делаю, мне не нравится. Я чувствую, как подступает тоска.

Тоска. Кажется, Фрейд был прав – все, что мы делаем, растет из одного корня. Танец – имитация охоты или полового акта, песня – имитация этой имитации, литература – имитация песни. Значит, веселье, музыка, книги – все это не для тебя. Ты можешь обманывать себя всю жизнь и, если есть перед кем, то ты никогда не устанешь притворяться. Но если ты один – один, как Бог в еще не созданной Вселенной, то имитации не обманывают тебя и, стоит только приостановиться, как тоска сжимает твое горло безжалостными челюстями вампира и пьет твою соленую кровь, захлебываясь от

голодного нетерпения. И ты еще можешь сбежать, но только в дремучий лес работы, работы и снова работы; там твои раны закроются и ты будешь бродить кругами, заблудившись, и ждать, пока какая-нибудь Золушка выведет тебя отсюда и возьмет с собой, а ты сделаешь ее принцессой в благодарность за это. Нет, Золушки поступают проще – они ищут себе принцев во дворцах.

Все-таки Фрейд был прав – мы начинаем и заканчиваем одним и тем же. Тоска.

Размышляя так, я присаживаюсь на вершине песчаной дюны (на этом пляже песок, как молоко, на других – песок всех цветов спектра, почти всех. Это еще одна достопримечательность острова.) У воды стоит женщина; не замечая меня, она смотрит в сторону почти невидимого моря. На мгновение ко мне возвращается надежда встретить свою Золушку, видимо, я все же романтик.

Быть романтиком не так уж плохо; я делаю набросок: темная тонкая фигура женщины на берегу. Женщины любопытны, это их главное свойство, редкая женщина не захочет подойти и взглянуть, как рисуют ее собственный портрет. Если она не подойдет сейчас, значит, у нее слишком много своих забот, а с такими людьми бесполезно заводить знакомства. Множество мыслей подобного рода мгновенно рождается где-то на дне моего сознания; они размножаются быстро, как древние одноклеточные; размножившись, они заполняют все свободное пространство и начинают поедать друг

друга – идет обычная, в миллиарды раз ускоренная эволюция. Эволюция заканчивается на одной огромной, взлетающей к небу мысли – что-то вроде тяжеловесного крылатого ящера, обреченного на вымирание: я хочу изобразить нечто значительное. Это мне, впрочем, не удастся. На некоторое время работа увлекает меня так, что я забываю о натуре, я рисую ту женщину, которая существует только в моем воображении. Я не замечаю, как идет время.

Наконец, подняв глаза, я вижу, что женская фигура исчезла, но следы тянутся в мою сторону. Конечно, она стоит у меня за спиной, не слишком близко, чтобы не показаться невежливой.

Когда знакомишься с женщиной, ее надо вначале удивить, затем заинтересовать мат в два хода. Хотя есть и другие комбинации, я решаю применить эту. Итак, начнем, – я бросаю в пространство:

– Вы могли бы стать поближе, оттуда ведь трудно разглядеть то, что вы хотите.

На мой ход у нее есть два стандартных ответа: спросить «откуда вы знаете, где я стою?» или спросить «а что же я хочу увидеть, по-вашему?».

Второй ответ сильней, но она выбирает первый.

– Вы же не смотрели, как вы догадались, что я здесь? – в ее голосе слышится удивление, значит, я объявил ей шах.

Я делаю следующий ход.

– Мне не обязательно смотреть, чтобы видеть вас.

Это можно понимать как угодно, даже как изысканный комплимент.

Она подходит ближе и становится слева, у моего плеча.

5

Вечер. Час послеполуденной грозы. Небо над лесом черно, как ночь.

Лужайка перед домом кипит, будто адская сковорода, на которую налили побольше масла – чтобы грешники прожаривались равномернее. Просто непонятно, как тонкие зеленые пластинки могут выдерживать такой напор – не сломаться, не утонуть в океане дождя. В такой дождь приятнее быть водорослью, чем травой. Человеком тоже неплохо, если над тобою прочная крыша.

Мы сидим в плетеных низких креслах в дощатой голубой веранде со стеклянными стенами. Где-то в глубине дома играет музыка, это Александр не выключил приемник. Грохот водяных струй, нарастающий с каждой минутой, делает разговор невозможным, но музыка все же слышна. Мелодия звучит неразборчиво до такой степени, что одновременно напоминает и хорал, и бравурный солдафонский марш. И все же мелодия прекрасна, как прекрасно все недосказанное и непознанное до конца. В музыке, которую ты слышишь, не узнавая, слышишь наполовину, всегда есть и тайна, и обман. Ты достраиваешь в своем воображении мелодию до того совершенства, которого она бы никогда не имела в действительности. Ты слышишь свою музыку, ту, которая всплывает из безлунных глубин твоего естества, и эта музыка несрав-

нима даже с самой прекрасной вещью нашего грубого и развратного мира.

Пространство вокруг нас освещено струями дождя. Падающая вода будто приносит с собой свет тех далеких снежно-белых солнечных островов, откуда она изгнана за неведомые грехи. Все черно, кроме светящихся и извивающихся водяных сеток. Пространство сужено до размеров маленькой комнаты и расширено до объема Вселенной: кажется, что весь мир – это летящий, падающий, поющий клубок смерчей.

Айзек тоже чувствует нечто в этом роде. Его лицо спокойно и тяжело расслаблено, как маска – золотая маска древнего кровожадного и наглого владыки. Айзек – негодяй, это я знаю совершенно точно. В эпоху материи негодяев становится намного больше – потому что они могут не бояться той силы, которая знает все. Деньги создают людей, способных на все ради денег, и ты беззащитен перед этими людьми так же, как был беззащитен первый человек, входящий в заросли, где его ждал саблезубый хищник. Айзек – негодяй, это я вижу по его лицу. Сейчас, когда он бездумно всматривается в дождь, изредка делая глоток из своего стакана, он становится собой. С его лица сползает грим порядочности; спокойствие и безразличие растворили те легкие лессировки, которые всю его жизнь пытались наложить наше добропорядочной общество. Добропорядочное, но состоящее наполовину из негодяев и подонков. Я всегда доверяю своему первому

впечатлению от человеческого лица, возможно потому, что я художник. Я еще никогда не обманывался в людях.

Айзека я пригласил сам, но не потому, что мне надоело одиночество, а потому, что хотелось сделать маленькую безобидную глупость. Я люблю делать глупости иногда, делать вещи, совершенно не имеющие смысла – это расслабляет лучше, чем вино, женщины, купания в лагуне или лазание по отвесным скалам.

Шум дождя мешает говорить, но это иллюзия – он нисколько не смешивается со звуком человеческого голоса; этот грохот мешает так же, как абсолютная, звонкая тишина – просто не хочется прерывать величественную однообразную фугу природы.

Я нарушаю молчание самым примитивным вопросом, который только могу придумать.

– Вам нравится на острове?

Он отвечает. Я смотрю на движение его губ; я всегда смотрю на губы человека, когда он говорит. Линия губ выдает тебя с головой, а вот глаза умеют и притворяться, и обманывать. Айзек рассказывает о себе и о своей компании. Их восемь человек, пожалуй все, как на подбор, неприятные типы, которых лучше не задевать. Но нам придется жить рядом. Сегодня они разбили свой лагерь невдалеке от моего пляжа. В таких случаях лучше делать первый шаг самому, чтобы самому диктовать стиль отношений.

Александр приносит еще бутылку и наливает два стакана,

потом он садится рядом и слушает наш разговор без особого желания говорить самому.

У меня тоже нет желания говорить. Я слушаю, изредка направляя нашу беседу вопросами, когда она начинает блуждать или спотыкаться от усталости.

– Это значит, вы здесь до конца сезона?

– Если повезет. Я покатался сегодня по острову и не нашел ни одного красивого лица. Что, все ваши женщины уроды?

– Нет, не наши, – я говорю с наивной гордостью аборигена, – здешних жителей совсем немного. Уроды – это те, кто приезжает.

Айзек смеется. Он еще и глуп вдобавок – он бы не понял моего намека, даже если бы и не выпил почти бутылку. Иметь дело с глупым негодяем гораздо приятнее. Достаточно лишь соблюдать стандартные правила безопасности.

Но именно о правилах безопасности я и забываю:

– А как вам нравится это лицо? – я протягиваю лист с портретом женщины, той, которую встретил сегодня утром.

– Ого! Это ваша подружка?

– Вот именно. Мы познакомились сегодня утром.

– Странное лицо. Как будто человек другой расы, не знаю какой.

Наверное, вы плохо рисуете. Но все равно... Она местная?

– Да, вы правы, я плохо рисую. Если вы встретите ее, то даже не узнаете.

Дождь заканчивается. Еще час, и Айзек уйдет. Как много людей не заслуживают определения: человек. Скоты. А ведь кто-то долгие, долгие годы отдавал им свою душу, пробуждая в них человеческое, и нечто действительно пробуждалось – ненадолго. Зачем все это? Зачем муки и смертельная жажда истины, сжигавшая тысячи умерших поколений? Зачем все те Монбланы вечных ценностей, за каждую из которых заплачено отказом от счастья, любви, богатства, самой жизни? Как втиснуть это в пустую голову скота, проклинающего тебя вполголоса, и какой в этом смысл, если после первого же дня свободы он снова становится скотом – становится сразу и навсегда?

– Вы позволите налить вам еще? – я наливаю ему еще стакан.

6

Четыре дня спустя. Берег; белый песок; солнце, уже прожигающее туман; солнце, висящее над водой неровной ослепительной кляксой. Керри.

Я смотрю на ее лицо – странное лицо человека иной расы, той расы, о существовании которой никто никогда не знал. Я мысленно повторяю эти слова Айзека. Иногда дураки бывают очень проникательны – они видят лишь поверхность вещей, но зато видят ее осень четко. Мы же смотрим в глубину и не видим очевидного – поверхность для нас прозрачна – но кто сказал, что истина лишь в причудливом мелькании глубинных теней?

В ней необычно все: огромные глаза, знающие свою силу и иногда играющие ею, как играет атлет пудами бугристых мышц; тонкие, очень тонкие губы, иногда взрывающиеся улыбкой, – потом улыбка долго догорает, доверчиво и мечтательно освещая ее лицо; короткая стрижка, которая не шла бы ни одной другой женщине; голос, слова, которые она говорит совершенно серьезно.

– Всегда.

– Что всегда? – я не понимаю ответа.

– Ты спросил, сколько мне лет. Я говорю: всегда, я живу всегда и буду жить всегда.

– Тогда я знаю, кто ты. Ты богиня, только богини живут

всегда.

– Нет, неправда. Их забывают. Ты знаешь, сколько их уже забыто?

– Не знаю, Керри. А ты знаешь?

– Я знаю.

– Откуда?

– Но я ведь живу всегда, – она смеется.

– Ты зря смеешься. Я ведь умею разгадывать тайны.

– В этом нет никакой тайны, Генри. Спроси любого, и он скажет тебе, что я живу всегда.

Она впервые назвала меня по имени. Она, похоже, намного моложе меня, потому и не говорит и своем возрасте. Правильно, лучше говорить на равных.

Я ощущаю волну беспечной и какой-то детской радости, но быстро гашу в себе это чувство. Мне пришлось пройти сквозь многое в этой жизни – в этой, такой несовершенной, что каждый еще надеется на другую, лучшую. Испытания либо ломали меня, либо делали меня тверже. Все же ломали, несколько раз.

Из этого я вынес убеждение: силен только тот, кто не имеет привязанностей.

Судьба, и те люди, которыми она пользуется, всегда бьет в самую слабую точку, и ломает тебя, никогда не убивая, к сожалению. Она бьет по тем людям, которых любишь ты. И ты можешь вынести все, но не это, и тогда ты смиряешься, и вырываешь с корнем маленькое гордое деревце своей сво-

боды и, спустя много лет, сажаешь его снова. Но оно растет слишком медленно.

Свободен лишь тот, кто не имеет привязанностей.

– Почему ты молчишь? Ты думаешь обо мне?

– О твоих словах.

– Ну и что же?

– Свободен только тот, кто никого не любит.

– Но тогда зачем тебе твоя свобода?

Действительно, зачем? Я впервые спрашиваю себя об этом и не нахожу ответа. Зачем, ведь миллиарды людей живут одинаково, как муравьи под трухлявым пнем, и думают, и двигаются, и рождаются, и умирают одинаковые, как муравьи. Пожалуй, большинство из них счастливы. Счастье – это так просто, и так недоступно, если ты не можешь быть прост.

– Сегодня я провожу тебя, Керри.

Она отказывается. В ее голосе звучит нечто, напоминающее металл. Я не ожидал этого.

– А хочешь, я разгадаю твою тайну?

– Нет, – на этот раз мягче.

– Разгадывать совсем несложно, Керри. Только что ты призналась, что у тебя есть тайна. Не спорь, призналась. Ты не хочешь, чтобы я проводил тебя – ты не хочешь, чтобы я знал, где ты живешь. Уходя, ты всегда переходишь на тот берег ручья, а ведь в той стороне никто не живет.

– Я иду в город.

– Босиком по песку? Ты доберешься только к вечеру.

– У меня есть лодка.

– Почему же ты не оставляешь ее здесь?

– Я прихожу сюда по утрам потому, что здесь тихо. Это самое тихое место на острове. Я не хочу разогнать тишину шумом мотора. Ты не умеешь разгадывать тайны.

– Нет, Керри, я просто еще не начал. Если ты встречаешь сразу две тайны, это значит, что ты встретился с одной, пустившей ростки в разные стороны. Копай посредине и ты найдешь ответ.

В ее глазах испуг. Похоже, я угадал.

– На этих островах две тайны, Керри. Одна – это ты, странная женщина, которую все видят, но о которой никто не знает ничего, я ведь спрашивал; вторая – это остров, вон там, за горизонтом. Ты приезжаешь оттуда?

– Нет... Да.

– Значит, мне можно тебя проводить?

– Нельзя.

– Как знаешь. Но будь осторожна. Ты заметила новые палатки на побережье – там, где кончается лес?

– Я знаю, Генри. Ты хочешь сказать, что эти люди опасны.

– Тогда в следующий раз подходи сразу сюда. Хорошо?

– Хорошо.

– Ты обещаешь?

– Да.

– Можно тебя поцеловать?

Ее губы сухие и жесткие. Я поднимаю глаза, солнце, наконец, стало круглым; туман уходит; первый несмелый ветерок сегодняшнего утра уютно устроился в ее волосах...

– Смотри-ка, у тебя седой волос... – я провожу ладонью.

– Нет! Не может быть...

– Не волнуйся, это всего лишь седой волос, – я снова провожу ладонью по ее коротким жестким волосам.

Она отворачивается, садится на песок и закрывает лицо руками.

Кажется, она плачет. Нет, женщин понять невозможно.

...Большую группу рабочих судоремонтной фирмы «Тосеко»...

В комнатах снова бубнит радиоголос. Кажется, Александр не любит тишины. Это понятно, ведь дом оставался пуст очень долгое время. Я лишь случайный человек, я пришел и уйду, а он снова останется один в большом уютном доме, пропитанном спокойствием и тишиной. Он будет бродить по комнатам, наводить порядок, выметать пыль и тишину. Но тишины все равно останется много.

...Глиняные зверюшки соседствовали на столе...

...Ясные цвета терракоты...

Я чувствую, что сосредоточиться мне не удастся. Собственно, в этом и нет никакого смысла. Что толку во всех моих мыслях и планах? Даже если я и напишу свою картину, это никого не сделает счастливее ни на йоту, даже меня самого. Хорошо хоть, что я не ученый, изобретающий всю жизнь какую-нибудь сверхжасную бомбу, а потом испытывающий ее на нашей и так замученной войнами планете. Не пропадать же бомбе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.